

Науч. руков. свящ. Андрей Постернак, канд. ист. наук, доцент

Революция 1917 года в оценке женщин русской эмиграции

Статья показывает особенности восприятия революции 1917 г. женщинами-эмигрантками. Отмечается влияние происхождения и социальных связей на формирование политических предпочтений авторов. Основной особенностью мемуаристок является отсутствие масштабного взгляда на значимые для государства изменения. В целом события февраля и октября 1917 г. воспринимаются авторами как единая цепь событий, которые в итоге оцениваются негативно.

Начало XX века справедливо можно назвать эпохой войн и революций. Однако политика в тот момент интересовала не только видных государственных деятелей, представителей интеллигенции и революционеров. Интерес к ситуации в государстве проявляли женщины, не занимавшие высоких должностей, имевшие семейные и другие обязанности. Однако это не мешало им следить за происходившими в стране событиями, давать им оценку и искать их причины.

Данная статья основана на мемуарах русских эмигранток. Некоторые из воспоминаний опубликованы в сборниках (Т. Варнек, А. Линден, В. Шелепина, М. Сливинская, Е. Лакиер, Н. Горская), а некоторые хранятся в Архиве Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына (А. Барам, Т. Бернацкая, О. Апухтина, В. Алексеева, Э. Ватсар, Э. Васка, З. Богдановская). Все авторы по-разному оценивали общественно-политическую ситуацию в России в 1917 г., но объединяет их главное — все они покинули Россию и не вернулись на Родину, а значит, не приняли произошедших революционных изменений и установившейся власти.

Воспоминания были записаны в основном после революции (хотя небольшая часть источников составлена в форме дневников непосредственно в 1917 г.), поэтому во многих текстах можно проследить эволюцию взглядов авторов и процесс формирования политических предпочтений.

Чтобы понять, как возникали разные характеристики событий периода февраля — октября 1917 г., нужно выяснить политические предпочтения авторов. В большинстве случаев их симпатии и антипатии связаны с происхождением или родственными связями. Например, Зинаида Мокиевская-Зубок была женой военного врача, а М. Сливинская происходила из старинного дворянского рода и была замужем за полковником А. Сливинским, впоследствии служившим в Вооруженных силах на Юге России и состоявшим в секретной разведывательной организации Белой армии «Азбука».

Т. Варнек и А. Линден происходили из семей отставных военных. У Т. Варнек отец был контр-адмиралом царской армии, а у А. Линден — отставным генералом. Н. Горская была дочерью царского офицера, погибшего на фронтах Первой мировой войны. В семье О. Апухтиной не только отец был военным (генерал-лейтенант царской армии А. Н. Апухтин), но и два брата, участвовавшие в Первой мировой войне. В. Алексеева-Борель была дочерью известного генерала М. В. Алексеева.

Как можно заметить, большинство авторов на момент революции были связаны с военной средой, сохранявшей консервативный настрой. Все вышеперечисленные авторы отрицательно оценивали события февраля 1917 г. Совершенно другое восприятие революции отражено в воспоминаниях тех женщин, которые в тот момент учились в высших учебных заведениях и находились под влиянием радикально настроенного студенчества. Подобный пример являли представительницы интеллигенции Е. Лакиер, Т. Бернацкая-Иванс, Э. Ватсар. Е. Лакиер училась в Одесской консерватории, Э. Ватсар — в Петербургской, а Т. Бернацкая-Иванс являлась слушательницей Высших женских курсов. В мемуарах этих авторов свержение монархии описано восторженно¹ и очевиден настрой на принципиальные изменения общественно-государственной жизни.

Рассмотрим подробнее особенности восприятия Февральской революции 1917 г. женщинами-мемуаристками. Начало 1917 г. большинство из них описывает поверхностно. Это можно объяснить тем, что в основном в женских текстах отражены события, происходившие непосредственно с авторами. Женщины отмечали наиболее важные для них факты, поэтому масштабные события для них отодвигались на второй план.

Несколько мемуаристок в начале 1917 г. находились далеко от столицы. М. Сливинская и А. Линден проживали в своих имениях в Киев-

---

¹ Арх. ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 102. Бернацкая-Иванс Т. Л. 1.

ской губернии и Крыму, куда информация из Петрограда доходила долго. М. Сливинская до приезда в Киев из загородного имения вообще не знала о происходивших в стране событиях. По неосведомленности или из-за отсутствия интереса к политике начало революции она связывала с концом лета 1917 г. Основные сведения она получала от брата, а не из газет или по слухам. «Стали приходиться тревожные известия от брата о том, что творится что-то неладное, появились какие-то агитаторы...»¹ В этих словах нет определенности, заметно, что автор не понимает причин появления агитаторов и цели их деятельности.

Ни о свержении монархии, ни о последствиях не говорится в источнике до определенного момента, потому что М. Сливинскую это не интересовало. «Все это, конечно, было неприятно, но ничем, казалось, особенно опасным не угрожало, и меня это ничуть не волновало»². Только после того, как ей самой пришлось столкнуться с жизненными сложностями, возникшими при новой власти, она стала замечать и оценивать политические изменения. Недовольство у нее вызывала и агитация, которую проводили большевики среди крестьян, работавших у них в поместье. Интересно, что в описании реакции деревенских людей на подобные новшества можно заметить непонимание с их стороны. Так, они отказывались грабить поместья своих хозяев и считали агитаторов бандитами, приехавшими из Москвы³. Подобное восприятие характерно для провинции, сохранявшей прежний уклад жизни.

А. Линден высказывает похожую точку зрения, обвиняя в беспорядках не местных жителей, а приезжих. По ее словам, «...местное население собиралось защищаться от пришлых революционных элементов»⁴. Сходство А. Линден с М. Сливинской в том, что их не интересовала политическая ситуация, пока они сами не столкнулись с проблемами, связанными с действиями новых властей.

Н. фон Форкенбек, находясь на юге России в начале 1917 г., тоже затруднялась определить начало революции, последствия которой ей не хотелось осознавать: «Не могу точно восстановить месяц или день, когда начались события, которые я считаю началом конца. Мы закры-

---

¹ *Сливинская М. А.* Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 74.

² Там же. С. 74–75.

³ См.: Там же. С. 77.

⁴ *Линден А. В.* Воспоминания о давно прошедшем // «Претерпевший до конца спасен будет»... С. 181.

вали глаза на возможную угрозу нашему счастью и устойчивому укладу нашего быта»¹. Такое безмятежное состояние и неготовность к внутренним изменениям в стране часто описывается женщинами. Скорее всего, проживавшие далеко от больших городов, они надеялись на то, что революционные беспорядки скоро закончатся, и не придавали им особого значения. Особую роль сыграло и то, что политическая борьба сосредоточилась в городах, а не в отдаленных районах, где люди ей почти не интересовались.

Т. Варнек была на фронте зимой 1917 г., куда информация о политических изменениях доходила гораздо быстрее. Сама Татьяна Варнек еще в период Первой мировой была представлена Николаю II вместе с персоналом Кауфмаского госпиталя № 2 в городе Львове (9 апреля 1915). Воспоминания об этой встрече показывают, что сестры милосердия, служившие с Т. Варнек, почитали императора и не высказывали недовольства политикой правительства. «Мы молились и шептали: “Господи! Помоги Государю!”»² Об отречении Николая II сестры узнали, скорее всего, очень быстро, так как автор пишет, что информация до них дошла в начале февраля 1917 г.³ Возможно, здесь присутствует ошибка, так как воспоминания составлялись примерно через пятьдесят лет после описанных событий. Т. Варнек отмечает, что в начале весны в Румынии «революция еще не чувствовалась»⁴, но уже в конце апреля «в отряде начались беспорядки, появился какой-то комиссар»⁵. Как и М. Сливинская, Т. Варнек еще не понимает, откуда эти новые люди, претендующие на власть, и кому они подчиняются. Лето в Петербурге автор описывает схематично, но обращает внимание на манифестации, агитацию в пользу продолжения войны, и притеснение сестер, так как это ее напрямую касалось. В тексте нет упоминаний о постановлениях относительно армии, но Т. Варнек, оценивая окружающую обстановку, пишет о развале фронта⁶. Это были последствия небезызвестного Приказа № 1. Больше о Февральской революции Т. Варнек ничего не говорит.

¹ Форкенбек Н. фон. «Белогвардейская сволочь» первого разряда: воспоминания Н. фон Форкенбек // Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания. М., 2016. С. 217.

² Варнек Т. Воспоминания сестры милосердия 1912–1922 // Добровольцы: сборник воспоминаний. М., 2014. С. 28.

³ См.: Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ См.: Там же. С. 48.

Более подробное описание февральских событий 1917 г. встречается в воспоминаниях В. Шелепиной. Она, как Т. Варнек, была сестрой милосердия во время Первой мировой, а затем и Гражданской, и начало революции встретила в Петербурге. По мнению автора, беспорядки и забастовки в начале февраля начались из-за того, что женщины, стоявшие в больших очередях за продуктами, начали «ломать двери и бить стекла» магазинов, «а мужчины присоединились»¹. Шелепина видит причину забастовок в недовольстве жителей Петрограда продовольственным кризисом, но при этом не говорит о голоде или отсутствии продуктов вообще. О политических мотивах стачек, происходивших на Путиловском, Обуховском, Невском, Александровском заводах, в источнике нет никакой информации. Очевидно, автора интересовали бытовые проблемы, она считает их катализаторами недовольства и общественных беспорядков. Постепенно В. Шелепина замечает, что в городе нет одного центра власти, слово «анархия» очень часто начинает встречаться в описаниях событий весны 1917 г. в столице.

Сходные оценки этого периода присутствуют в воспоминаниях Н. Горской. Для нее, как и для Т. Варнек, свержение монархии оказывается важнее последующих событий, потому что с этого момента стал разрушаться привычный для нее мир и основы спокойного существования. Н. Горская воспитывалась в военной среде, встречалась с членами императорской фамилии. Она писала уже в эмиграции, возможно А. И. Солженицыну: «Вам трудно это понять, у вас не могло быть не только любви, но и уважения к вашей власти. Теперь, зная, что было у нас в душе, чем мы жили, вы можете себе представить, как мы встретили революцию. Для нас она была неприемлема. Сколько было слез, отчаяния!»² Косвенным образом причастными к революционным событиям, по мнению автора, были члены Государственной думы: «Ненавидели всяких социалистов, расшатывающих наш строй. С отвращением читали их речи в Государственной думе — всяких Чхеидзе, Милюковых, Гучковых, Керенских, Родзянко и других»³. Как видно, Н. Горская сама читала речи депутатов, следила за политическими новостями, покупая различные газеты⁴. Подобным образом

¹ Шелепина В. П. Воспоминания сестры милосердия (1917–1922) // «Претерпевший до конца спасен будет»... С. 16.

² Горская Н. С. «Лица были какие-то вызывающие...»: воспоминания Н. С. Горской // Россия 1917 года в эго-документах... С. 199.

³ Там же. С. 198.

⁴ См.: Там же. С. 199.

и В. Алексеева-Борель обвиняет членов Государственной думы в содействии революции. Она оправдывает отца и высшие военные круги, перекаладывая ответственность за создание напряженной обстановки в стране на депутатов и обвиняя царское правительство в бездействии: «Императорское правительство, к несчастью, совершенно не боролось с надвигающейся катастрофой»¹. Эта позиция автора понятна, так как основную информацию В. Алексеева-Борель могла получать именно от отца.

Совершенно противоположное мнение о причинах революционного хаоса в столице в феврале 1917 г. высказывает дочь генерала Апухтина. Помимо того что автор подозревает наличие конкретных руководителей революции, она обвиняет высшие военные круги в «подкопной работе»² в это время на фронтах Первой мировой во главе с генералом М. В. Алексеевым. Действия солдат и офицеров в этот момент, по мнению О. Апухтиной были неосознанными: «...инженерные офицеры сели на танки, подогнали к казармам, разбудили солдат, подняли — играть в революцию»³. Как можно заметить, каждый автор отстаивает свою точку зрения, основываясь на данных, поступавших через родственников военных. Большую роль в формировании взглядов на революцию играл журнал «Часовой», основанный офицерами-эмигрантами в Париже. Интересно, что и О. Апухтиной, и В. Алексеевой-Борель он помог осознать всю сложность и трагичность февральских событий только в 80-х гг. XX века, спустя много лет⁴.

Но некоторые авторы пришли к радикальной переоценке своих взглядов еще в течение 1917 г. Яркий пример — Е. Лакиер, чей дневник представляет большой интерес и поражает особым вниманием к анализу политической обстановки в стране. Автор проживала в Одессе, фиксировала революционные события, понимая их историческое значение. Елена Лакиер дает оценку происходящему и продумывает возможные альтернативные пути исхода политической борьбы. Но главное, что отличает этот дневник от многих других, это эволюция взгляда Е. Лакиер на само явление революции и на политическую обстановку после падения монархии в России. В 1917 г. она была студенткой Одесской консерватории, и в ее окружении восторженно восприняли революцию. Так, Е. И. Лакиер пишет 7 марта 1917 г.: «Что касается меня, то

¹ Арх. ДРЗ. Ф. 1. Д. 139. Алексеева-Борель. Л. 2.

² Арх. ДРЗ. Ф. 1. Д. 76. Апухтина-Третьякова О. А. Воспоминания. Л. 7–8.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 6.

я в восторге от этого переворота, который даст всем свободу и отправит “ад патрес” (к праотцам. — С. К.) абсолютизм, который так долго держался в России, уничтожив его навсегда»¹. Примечательно, что начало революции Е. И. Лакиер связывает с убийством Г. Е. Распутина (17 (30) декабря 1916 г.)². Февральская революция в Одессе не вызвала никаких беспорядков и перестрелок, поэтому автору она кажется «бескровной»³, имеющей характер праздника. Хотя из писем знакомых Е. И. Лакиер знала о жертвах февральских столкновений в Петрограде, но все же оправдывала это великими целями революции и обвиняла во всем полицию⁴. Автор опять опирается на пример Одессы, где городской голова В. Пеликан не допустил беспорядков.

Ожидая перемен, Е. Лакиер активно поддерживала Временное правительство и А. Ф. Керенского, называя его вождем революции⁵. Но уже 25 июля 1917 г., после прорыва немцев на Рижском фронте, автор пишет: «Насколько раньше смотрела на все сквозь розовые очки и приветствовала революцию, настолько очки теперь так черны, что ничего сквозь них не видно»⁶. Далее она продолжает обвинять А. Ф. Керенского в неудачах Временного правительства — своим успехом, по ее мнению, большевики обязаны его ошибкам⁷. Наконец, 17 ноября 1917 г. автор записывает в дневнике: «Я все правую и правую и, наверно, доправаю до монархистки... Уж теперь чистокровная кадетка, а еще так недавно была эс-эркой»⁸. Примерно такой же путь от восторга до разочарований прошла и Т. Бернацкая-Иванс. Через много лет после событий 1917 г. она написала в своих воспоминаниях: «Я была типичной либеральной студенткой того времени, приветствующей “свободу народа” и очень легко теоретически разрешающей государственные и политические проблемы. На самом деле я была полной невеждой в реальной жизни вообще»⁹. И для А. Барам революция изначально представлялась праздником: «Я слышала отовсюду это слово “революция”

---

¹ Лакиер Е. И. Отрывки из дневника — 1917—1920 гг. // «Претерпевший до конца спасен будет»... С. 134.

² См.: Там же. С. 136.

³ Там же. С. 142.

⁴ См.: Там же. С. 133—134.

⁵ См.: Там же. С. 136.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ См.: Там же. С. 145.

⁸ Там же. С. 146.

⁹ Арх. ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 102. Бернацкая-Иванс Т. Л. 1.

как избавление, как что-то праздничное»¹, но это закончилось с приходом к власти большевиков².

В историографии принято четко разделять события Февральской революции и Октябрьский переворот, но большинство мемуаристок вскользь говорят о событиях октября 1917 г., либо не выделяют их вообще. Весь год происходят какие-то беспорядки, манифестации, появляются агитаторы, четкого центра власти нет. Так в женских мемуарах отражены трагические и грандиозные по значимости исторические события русской революции.

Только несколько авторов уделяют внимание Октябрьскому перевороту (Е. Лакиер, Т. Варнек, М. Бочарникова, Н. Горская). Заметим, что они находились на тот момент в больших городах: Е. Лакиер – в Одессе, Т. Варнек и Н. Горская – в Москве, а М. Бочарникова – в Петрограде в составе 2-й роты женского батальона смерти, выступавшего за защиту Временного правительства в Зимнем дворце с 24 по 25 октября 1917 г. Каждая из них отмечает, что к этому моменту стало опаснее появляться на улицах, чаще возникали перестрелки, и относительное спокойствие лета 1917 г. было нарушено.

Т. Варнек оказалась в Москве на следующий день после переворота. «Мы ничего не знали. Разгрузились и пошли гулять. Мы знали, что накануне были стрельба, беспорядки, но не обратили на это никакого внимания»³. За время революционных событий такие известия уже стали привычными для людей, а так как Т. Варнек не интересовалась политической борьбой, то не придавала этому значения. Понимание произошедшего пришло к ней со временем, когда нарушилась дисциплина среди персонала санитарного поезда⁴. Е. И. Лакиер, напротив, изначально являясь противницей большевиков, осознавала значимость Октябрьского переворота. Она под псевдонимами составляла разгромные статьи в адрес В. И. Ленина⁵. Е. Лакиер, М. Сливинская, А. Линден отмечали большие успехи агитационной политики большевиков и считали это одной из причин их победы.

24 октября 1917 г. был назначен парад 1-го Петроградского женского батальона на Дворцовой площади, который на самом деле был призван для защиты Зимнего дворца от большевиков. Там находилась

¹ Арх. ДРЗ. Ф. 1. Д. 175. Барам Анна. Воспоминания. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Варнек Т. Воспоминания сестры милосердия 1912–1922... С. 48.

⁴ См.: Там же. С. 49.

⁵ См.: Лакиер Е. И. Отрывки из дневника – 1917–1920 гг... С. 139–140.

М. Бочарникова, она отмечает, что о возможном нападении со стороны большевиков их предупредили. «Накануне парада было получено донесение, что “товарищи” (большевики. — С. К.) во время парада хотят нас расшелкать»¹. Описывая оборону и арест батальона, автор заостряет внимание на жестокости матросов. По ее словам, бойцы их батальона остались в живых только потому, что оказались в руках других красногвардейцев. «Трудно передать, с какой жестокостью обращались матросы с пленными. Вряд ли кто-либо из нас остался бы в живых»².

Гражданская война сыграла трагическую и знаменательную роль в судьбах авторов, но начало этих событий было положено Февральской революцией, которая воспринималась не всеми авторами одинаково. Большинство из них (Н. Щербачева, А. Линден, З. Мокиевская-Зубок, М. Бочарникова, Т. Варнек, Н. фон Форкенбек) либо совсем о ней не говорили, либо описывали некоторые ее последствия. М. Сливинская, В. Шелепина, Е. Лакиер, Н. Горская, Т. Бернацкая-Иванс, О. Апухтина уделяют событиям февраля 1917 г. больше внимания. На восприятие женщинами революционной обстановки влияли разные факторы: социальное положение, место пребывания (город или деревня), собственные впечатления и информационная осведомленность.

Октябрьский переворот отмечен почти всеми мемуаристками. Ни одна не поддержала политику большевиков — только Е. Лакиер называла себя сторонницей каких-либо партий. Авторы замечают ухудшение обстановки не только в городах, но и в деревнях, чаще происходят стачки и вооруженные столкновения. Октябрь уже воспринимается как начало Гражданской войны, которая не стоит отдельно от переворота и является, по мнению наших авторов, следствием политической борьбы всего 1917 г.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, русская эмиграция, гендерные исследования, женские воспоминания.

Список источников и литературы

- Арх. ДРЗ. Ф. 1. Д. 139. Алексеева-Борель.
Арх. ДРЗ. Ф. 1. Д. 76. Апухтина-Третьякова О. А. Воспоминания.
Арх. ДРЗ. Ф. 1. Д. 175. Барам Анна. Воспоминания.
Арх. ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 102. Бернацкая-Иванс Т.

¹ Бочарникова М. В женском батальоне смерти (1917–1918) // Добровольцы: сборник воспоминаний... С. 284.

² Там же. С. 291.

- Бочарникова М.* В женском батальоне смерти (1917–1918) // Добровольцы: сборник воспоминаний. М., 2014.
- Варнек Т.* Воспоминания сестры милосердия 1912–1922 // Добровольцы: сборник воспоминаний. М., 2014.
- Горская Н. С.* «Лица были какие-то вызывающие...»: воспоминания Н. С. Горской // Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания. М., 2016.
- Лакиер Е. И.* Отрывки из дневника – 1917–1920 гг. // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013.
- Линден А. В.* Воспоминания о давно прошедшем // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013.
- Сливинская М. А.* Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013.
- Форкенбек Н. фон.* «Белогвардейская сволочь» первого разряда: воспоминания Н. фон Форкенбек // Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания. М., 2016.
- Шелепина В. П.* Воспоминания сестры милосердия (1917–1922) // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013.